

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Изучение влияния религиозного фактора на жизнь современного общества представляет собой в настоящее время одну из наиболее актуальных областей научно-исследовательской деятельности. Это связано с тем, что в современном мире религиозный компонент общественной жизни становится все более значимым. Заметной становится роль религиозных организаций, прежде всего традиционных мажоритарных вероисповеданий, в решении множества актуальных проблем современности, связанных с сохранением и укреплением мира, с социальной поддержкой слабозащищенных слоев населения, с формированием духовно-нравственных ценностей.

Безусловно, в силу того, что религия представляет собой крайне сложный социальный феномен, научное исследование особенностей его проявления в том или ином историческом контексте всегда носит многоаспектный характер. На наш взгляд, в современных условиях особый научный интерес представляет та исследовательская плоскость, которая касается взаимоотношений религии и политики.

Согласно социальной философии, религия и политика являют собой различные сферы духовной культуры, которые в совокупности с наукой, моралью, искусством создают некий универсум духовной культуры общества. Вместе с другими областями социума религия и политика производят и накапливают способы и приемы обеспечения и осуществления бытия человека, реализовывают их в продуктах жизнедеятельности, передают от поколения к поколению. При всей сложности, неоднолинейности и неоднозначности взаимоотношений религии, политики, морали, науки, в истории они всегда взаимно влияли друг на друга, образуя единство и целостность - *универсум духовной культуры*. В различные эпохи выдвигались на первый план, получали наиболее интенсивное выражение и развитие те или иные сферы культуры: искусство и философия в античности, религия - в средние века, философия - в XVII-XIX вв., наука - в XX в. В этой связи не случайно XX век часто называли "веком науки".

Несмотря на то, что обострение глобальных проблем современности, начиная со второй половины прошлого века, привело к бурному росту в обществе антисциентистских настроений, наука и сегодня продолжает играть важнейшую роль в самых различных областях общественной жизни, включая

* Брага Л.И. – старший научный сотрудник и доктор философских наук Роговая Г.Н. – старший научный сотрудник Института европейской интеграции и политических наук АН Молдовы.

и сферу политики. Вместе с тем исследователи признают, что в настоящее время “ядром и центром управления обществом является политика, определяющая основные направления и цели человеческой деятельности. В подобных условиях политизация религии становится закономерной” [Beniuc V., Juc V. Factorul confessional in relaziile inter nazioale. – Chieinru, 2008. - S. 48]. Иными словами, выдвигание политической сферы на передний план общественной жизни, характерное для нынешнего этапа общественного развития, ведет к обновлению взаимоотношений между политикой и религией.

Следует отметить, что религия и политика, при всем их своеобразии, всегда находились в достаточно тесных взаимоотношениях. Сегодня, наверное, уже все сколько-нибудь серьезные исследователи признают, что “эволюция религии зависит от изменений в социально-политической реальности” [Митрохин Л.Н. Христианство и политика. – М., 2003.- С. 5]. Данное положение хорошо иллюстрирует пример эволюции христианства, изначально возникшего как религия наиболее угнетенных слоев населения древнеримского общества, а затем прошедшего этапы превращения в государственную религию Римской Империи, его становления в качестве одной из мировых религий, возникновения течений протестантизма, увязанного с возникновением и развитием буржуазных отношений, появления различных модернистских течений в XIX - XX вв., стремившихся приспособить христианство к меняющейся социально-политической реальности.

Однако существует и обратная связь. Для развития сферы политики, как особой области сознательной деятельности, направленной на производство, достижение, укрепление и реализацию власти, огромную роль в истории играла и продолжает играть религия. Достаточно отметить лишь тот факт, что в числе существующих ныне теоретических систем и доктрин, призванных “охранять” существующий строй (философских, политических, правовых), главным элементом исторически первой сформировавшейся классовой идеологии стала именно религия [Там само]. Иными словами, в отношениях между политикой и религией с самого начала вычленения политики как относительно самостоятельной сферы жизни общества, касающейся властных отношений между социальными группами, народами, нациями и государствами, сформировался их самый тесный альянс. В недавнем прошлом казалось, что этот альянс практически разрушен, по крайней мере в той части света, где мощный разбег техногенной цивилизации способствовал ускоренному развитию секуляризационных тенденций и выходу различных сфер общественной жизни из-под власти религиозного санкционирования, в том числе политической сферы. На этом этапе многие исследователи полагали, что по мере ускоренного развития технологий, науки и образования тенденции к секуляризации всех сфер общественной жизни, включая политическую, приведут к постепенному исчезновению религии [Bell D. The Return of the Sacred: The argument on the

Future of Religion // The British Journal of Sociology, 1977, vol. 22, №4. – S. 421] Процессы секуляризации, действительно, существенным образом затронули общественную жизнь в XX веке. Наиболее глубоко этот процесс зашел в странах социализма, где атеистическое мировоззрение, направленное на борьбу с религией, являлось одним из “краеугольных камней” господствовавшей системы идеологии.

Вместе с тем, даже в рассматриваемый период мировой истории, когда тенденции к секуляризации общественной жизни развивались по нарастающей, вытесняя религию как форму общественного сознания на “периферию общественной жизни”, сужение сферы влияния религии на политику все же не было абсолютным. В таких частях света, как страны Латинской Америки и Ближний Восток, религия всегда оставалась важным идеологическим средством борьбы в ходе развертывавшихся здесь политических движений. Кроме того, согласно одной из существующих точек зрения, государственный атеизм, будучи официальной идеологией социалистического общества, также представлял собой не что иное, как одну из форм выражения религиозного сознания [Фурман Д.Е. Религия, атеизм и перестройка // На пути к свободе совести. – М., 1989. – С. 7-18]. В качестве другой такой формы религиозного сознания можно считать и безоглядную веру в научно-технический и общественно-политический прогресс, в их способность рационально разрешить любые проблемы современности. Если принять во внимание данную точку зрения, то останется лишь признать, что влияние религиозного фактора на общественно-политическую жизнь человеческого сообщества в последнее столетие его существования несколько не сворачивалось, но лишь приобретало иные модификации, которые, впрочем, существенно сужали сферу влияния традиционных вероисповеданий.

К концу XX века, вопреки бытовавшим прогнозам об “окончательном изживании религии из жизни общества”, начавшая кардинально меняться действительность доказала ошибочность данных представлений. Общество снова стало “поворачиваться лицом к религии” в поисках некоей стабильной идейно-мировоззренческой основы, ценностной опоры, столь важной в условиях духовного кризиса, поразившего человечество на рубеже последних веков. Удачная оценка подобному периоду перемен и духовных исканий, на наш взгляд, была дана А. И. Титаренко, который в свое время, в частности, отмечал, что “в переломные эпохи, когда старые социальные формы бытия человека теряют свое былое историческое оправдание, а привычные пути жизнедеятельности целых поколений обесмысливаются, видение иного смысла жизни неизбежно приобретает значение нравственно психологического переустройства внутреннего мира человека - переустройства, которое сопровождается страстными нравственными исканиями, критическим пересмотром существующей системы ценностей” [Титаренко А.И. Антиидеи. – М., 1984. – С. 13].

Пересмотр существующей системы ценностей привел в конце XX века к тому, что религия не только не исчезла из жизни общества, но, напротив, стала превращаться во все более влиятельную силу современности. В настоящее время интерес к религии активизируется во всем мире, что обусловлено целым рядом факторов (экономических, морально-психологических, национально-культурных и др.), порождаемых самим ходом исторического развития общества. На фоне этого круто меняется и отношение политиков к религии и, прежде всего, к традиционным мажоритарным вероисповеданиям, что существенно поднимает их социальный престиж.

Важно отметить, что усиление интереса политических акторов к традиционным вероисповеданиям характерно сегодня не только для транзитных, но и для многих других стран мира, включая страны развитой демократии. Исследователи повсеместно отмечают заметный рост влияния религии в лице традиционных мажоритарных вероисповеданий на течение современных социально-политических процессов, усматривая в этом феномене некую универсальную тенденцию современного развития политической жизни. Жилес Кепел, в частности, пишет, что “семидесятые годы стали неким поворотным временем в отношениях между религией и политикой, отношениях, которые в последнюю четверть нашего века (имеется в виду XX в. - Л.Б. и Г.Р.) претерпели неожиданную мутацию. К примеру, в католической Европе в последнюю четверть XX века наблюдался следующий парадокс. Общество никогда еще не казалось столь дехристианизированным и секуляризированным и, тем не менее, практически повсюду наблюдался рост движения рехристианизации [Kepel Gilles. *Dumnezeuosi ia revansa*. - Bucuresti, 1994. – S. 7]. На усиление “энергетики” религиозного фактора, который “предстает как живой, реально работающий компонент формирования нашего будущего”, указывает и Л. Н. Митрохин [Митрохин Л.И. *Христианство и политика*. – С. 5]. Д. Эдвардс обращает внимание на тесную связь Церкви и политики, морали, науки, приводя в качестве примера ситуацию в США и подчеркивая, что только посредством укрепления данной связи можно существенно усилить авторитет политических институтов [Edwards D. *The Futures of Christianity*. – London, 1987. – S. 5].

Дело в том, что политическая власть не всегда может опираться лишь на силу, даже если и существует возможность ее “рафинированной” реализации. Задача политики состоит в том, чтобы придать политическим действиям необходимый характер, наделяя их особой ценностной значимостью для людей. Поэтому политики редко отказываются от возможности использовать авторитет религии, чтобы усилить собственный престиж. С тем, чтобы быть значимой и авторитетной, политическая власть нуждается в особо значимой цели [Stockhouse M. L. *Politics and Religion, in the Encyclopedia of Religion*. - New York, 1987, vol. II. – S. 408]. Без теологического элемента политика сводится к простому столкновению

индивидуальных и коллективных интересов [Forester D. B. *Theology and Politics*. – Oxford, 1988. – S. 171].

В то же время, в складывающихся условиях, когда политики повсеместно апеллируют к религии в поисках авторитетной поддержки своему курсу, традиционные мажоритарные вероисповедания уже более не стремятся приспособлять “свой язык” к “вызовам времени”. Напротив, в современных условиях рождается некий новый религиозный дискурс, который не только не ищет новых форм адаптации к светским ценностям, но, более того, выступает за создание особого “священного фундамента” в обществе, призывая к изменению общественного устройства в соответствии с религиозными ценностями. Речь уже более не идет об *aggornamento*, а о “второй евангелизации Европы”, не о модернизации ислама, а об исламизации современности. Этот феномен в последнее время приобрел универсальное измерение: он проявляется в цивилизациях, которые отличаются как особенностями культурного характера, так и уровнем общественного развития.

Таким образом, сегодня, на фоне повсеместно наблюдающегося возрождения религиозной жизни, с одной стороны, и оживления политической сферы общества, поиска новых эффективных рычагов решения назревающих политических проблем - с другой, снова происходит обновление тех вековых отношений, которые всегда связывали традиционные вероисповедания и политику. Для мажоритарных вероисповеданий это сопряжено с заметным усилением социального престижа. Что же касается сферы политики, то укрепление тандема с религией позволяет задействовать в решении таких насущных политических проблем, как укрепление государства, усиление социальной сплоченности общества, нивелирование разрыва и смягчение противоречий между его элитарной частью и массами, между состоятельными слоями и ее бедной частью и т.д. и т.п., достаточно эффективных механизмов, свойственных религии как специфической форме идеологии и как особому социальному феномену вообще. Речь, прежде всего, идет о ее социальных функциях, таких, как легитимирующая, позволяющая обеспечивать сакральную поддержку действующей системе власти, и интегрирующая, способствующая сохранению социальной стабильности.

Религиозный фактор, активизация которого в политической жизни современных стран достигла сегодня значительного уровня, сыграл совершенно специфическую роль в развитии политических процессов последних 20 лет в Восточной Европе и на всем постсоветском пространстве. В тех странах, где религия прежде преследовалась как “реакционное”, “отсталое”, “вредное”, “антинаучное” мировоззрение, с переходом на путь демократизации общественной жизни в общественном сознании этих стран религиозное мировидение стало ассоциироваться с наиболее прогрессивной системой взглядов, по существу превратившись в главную духовную альтернативу идеологии тоталитарного режима. Принадлежность к

традиционному вероисповеданию, активно демонстрировавшаяся как массами людей, так и лидерами самых различных политических течений, превратилась в начале перемен в своего рода символ единения всех прогрессивно настроенных сил общества.

Демократические трансформации, затронувшие всю совокупность общественных отношений в Республике Молдова в конце прошлого столетия, существенным образом изменили положение религии и в жизни нашей страны. Значимость религиозных ценностей для общественного сознания, возросшая стремительно в самом начале перемен в связи с предельной политизацией “религиозного вопроса”, по существу вывела религию из “задворок общественной жизни”, выдвинув на роль духовного лидера общества, призванного символизировать его приверженность демократическому пути развития.

Отношение к религии как к весьма специфической, “тонкой” и “деликатной” сфере общественных отношений, по признанию многих международных экспертов, всегда было и остается неким индикатором “качества” демократии, глубины демократических перемен, степени приверженности демократическим ценностям. Поэтому не случайно религия с самого начала демократических перемен оказалась в центре политической жизни страны.

Подобные исторические метаморфозы, прежде всего, сказались на характере государственно-церковных отношений, которые претерпели существенную модификацию по сравнению с предшествующим периодом развития. Отличительной чертой государственной политики в области религии стало лояльное отношение к религиозной сфере, которое нашло свое закрепление в Конституции и Законе о культурах Республики Молдова. Указанные документы, гарантируя свободу совести, равенство конфессий перед законом, подтверждают и принцип отделения церкви от государства. В то же время Статья 13 Закона о культурах гласит о том, что “государство может поддерживать отношения сотрудничества с традиционной Православной Церковью”, а также “может заключать соглашения о сотрудничестве с любым иным официально признанным вероисповеданием”. Данное положение Закона позволяет устанавливать, развивать и углублять патерналистские отношения между государством и традиционной мажоритарной церковью, что, впрочем, остается весьма проблематичным в отношении иных вероисповеданий, а также тех религиозных структур мажоритарной церкви, которые пользуются поддержкой политической оппозиции официальной власти.

“Особое” отношение государства к Православной Церкви, укоренившееся в современной молдавской политике, объясняется целым рядом причин. Прежде всего это связано с тем, что начавшиеся в конце прошлого столетия демократические трансформации приобрели в Молдове характер движения за культурно-национальное возрождение края. Требование возврата к “вере предков”, глубоко укорененной в культуре

молдавского народа, заняло в этом движении ключевые, авангардные позиции. Поэтому православие, ставшее, по сути, знаменем национально-освободительного движения в Молдове, с самого начала перемен было “взято на вооружение” практически всеми политическими формированиями страны, включая Партию коммунистов. В этой связи 90-е годы XX столетия вошли в историю государственно-церковных отношений как время кардинальных перемен, приведших не только к социальной реабилитации традиционной мажоритарной Церкви, но и ко все большему выдвиганию православия если не “де юре”, то, по крайней мере, “де факто” на роль официальной государственной идеологии.

Интерес власти к Православной Церкви в значительной степени обусловлен и тем высоким рейтингом доверия, которым указанная религиозная организация пользуется в молдавском обществе на протяжении последних 20 лет. Это единственная общественная структура, которой доверяют около 80% населения страны. Для сравнения отметим, что правительству доверяют лишь около 30%, Парламенту - около 25%, Президенту - чуть более 30%, а политическим партиям - менее 15% [Barometrul de opinie publică Republicii Moldova. - Martie-Aprilie, 2008]. Легко заметить, как отмечают эксперты, что Церковь уже традиционно пользуется наибольшим доверием со стороны населения Республики Молдова практически независимо от меняющегося политического и социально-экономического контекста. В этой связи, понятно, что апелляция к православию становится весьма плодотворным аргументом в современной политической игре, поскольку позволяет политическим силам достаточно эффективно решать столь остро стоящую в условиях выборной политической системы проблему легитимации власти.

Республика Молдова, подобно многим другим европейским странам, является страной поликонфессиональной. Из давних времен на территории края находили себе прибежище последователи самых различных религиозных течений: от гуситов до старообрядцев, от протестантов до адептов наиболее экзотических культов “нового века”. С началом демократических трансформаций религиозная картина молдавского общества стала еще более многоцветной благодаря существенному расширению, согласно действующему ныне Закону о культурах, прав религиозных организаций. Только зарегистрированных религиозных течений в Молдове сегодня насчитывается около полусотни.

Вместе с тем, Республика Молдова - как в своем историческом прошлом, так и в настоящем - была и остается страной православного большинства. Согласно некоторым данным, последователями православия в настоящее время признают себя от 90% до 95% населения страны. Поэтому, несмотря на усиление тенденций к религиозной дифференциации в стране, население Молдовы, с конфессиональной точки зрения, остается гомогенным. Вместе с тем необходимо уточнить, что речь здесь не идет о “качестве” религиозных убеждений тех, кто, так или иначе, идентифицирует

себя как последователя православия. Следует признать тот факт, что для значительной массы населения подобное религиозное самопозиционирование продиктовано по большей мере некими романтическими, культурологическими, патриотическими соображениями. Тем не менее, на наш взгляд, важен уже сам факт того, что православное вероисповедание представляется сегодня значимым для подавляющего большинства населения Молдовы, что может служить мощным консолидирующим фактором в контексте социально-политических трансформаций, чреватых социальными расколами и обострением противостояний.

В условиях, когда между политическими партиями идет ожесточенная борьба за “свой” электорат, апелляция к традиционным религиозным ценностям позволяет политикам рассчитывать хоть на часть того социального престижа, которым обладает Православная Церковь в Молдове на современном этапе, в надежде обрести как можно большую поддержку со стороны православного электората. Неудивительно, что в этих условиях Православной Церкви очень сложно сохранять необходимую для успешного отправления своей миссии в обществе дистанцию с миром политики и не быть втянутой в ожесточенные политические баталии и игры.

Использование “религиозной карты” в качестве “козырной” характерно для подавляющего большинства политических партий современной Молдовы (на сегодняшний день их численность достигает 28 единиц), которые в своих предвыборных платформах всегда особо подчеркивают свое лояльное отношение к Церкви, признавая огромную значимость для демократического строительства и культурно-национального возрождения страны тех ценностей, которые она проповедует. Более того, в названии одной из политических партий Молдовы, являвшейся особенно влиятельной политической силой в 1990-е годы и стоявшей у истоков борьбы за национальную независимость, христианский и демократический компоненты партийной идеологии обозначены как равноценные ориентиры социально-политического развития общества. Речь идет о Христианской Народно-Демократической Партии Молдовы, для которой борьба за утверждение христианских ценностей в свое время стала главной формой сопротивления тоталитарному строю и господству коммунистической идеологии, а, следовательно, и борьбы за демократию, равно, как и за присоединение к Румынии, в котором сторонники партии усматривали для Молдовы по существу единственный способ реального культурно-национального возрождения и продвижения демократических ценностей. Газета “*Literatura și arta*”, будучи главным рупором указанных политических сил, затрагивая вопрос продвижения в стране демократических ценностей, в свое время, в частности, писала: “Для решения проблемы, связанной с утверждением демократических ценностей в Молдове, нет необходимости изобретать что-то принципиально новое. Нам оставлено проверенное веками духовное наследие - христианская доктрина. Это единственная реальная и прочная

альтернатива, необходимая обществу. Только она дарует нам возможность реабилитации Бессарабии перед лицом международного сообщества. Только она позволит создать новое общество гармонии и единения, дать новый импульс национальному движению, которое развенчает все политические утопии, включая коммунистическую” [Literatura si arta. - 22 martie, 2001].

Деятельность ХДНП, несмотря на ее декларативную приверженность христианским принципам, вместе с тем все это время носила крайне агрессивный и интолерантный характер, который распространялся не только на ее идеологических оппонентов, но и на все русскоязычное население страны в целом. Это существенно сужало ее социальную базу, вместе с неприятием русскоговорящего населения отсекая значительную часть последователей православного вероисповедания. Указанные идейно-политические установки ХДНП, таким образом, вносили раскол в общественную жизнь страны, который, как известно, адекватным образом отразился и на внутрицерковной жизни.

После развала СССР и обретения Молдовой независимости, в 1992 году группа священников и политиков от ХДНП, выступающих за ее объединение с Румынией, объявила о возобновлении функций Митрополии Бессарабии (действовавшей на указанной территории в начале XX века, в период ее вхождения в состав Румынии) под юрисдикцией Румынской Православной Церкви, рассматривая данное действие как первый шаг на пути реализации поставленной политической цели. Однако против ее регистрации выступила Митрополия Молдовы, находящаяся под юрисдикцией Российской Православной Церкви, которая сочла создание Митрополии Бессарабии как антиканоническое деяние, вносящее раскол в ряды православных верующих Молдовы.

Политическое руководство страны, не разделявшее унионистских политических установок ХДНП, долгое время отказывало Митрополии Бессарабии в официальной регистрации. На протяжении 10 лет вопрос оставался открытым, что накаляло обстановку в стране, приводя порой к противоправным действиям, вплоть до насильственного захвата приходов, физическим потасовкам между православными верующими, стрельбе в храмах и т.п.

Весной 2002 года в столице прошли массовые антиправительственные демонстрации, организованные ХДНП и приведшие к политическому кризису в стране. Создавшуюся в Молдове кризисную ситуацию удалось преодолеть лишь после вмешательства Совета Европы. По рекомендации Европарламента официальная власть Молдовы согласилась учесть ряд требований оппозиции, среди которых была и регистрация Митрополии Бессарабии. Таким образом, в результате вердикта Европейского суда по правам человека и специальной рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы правительство Молдовы вынуждено было зарегистрировать Митрополию Бессарабии, невзирая на протест Митрополии Молдовы. (В настоящее время Митрополия Бессарабии насчитывает 150 приходов, 10

монастырей и 79 строящихся храмов, что составляет пятую часть от приходов Митрополии Молдовы.)

Митрополит Кишиневский и всея Молдовы Владимир, равно как и Патриарх Московский и всея Руси Алексей (ныне покойный) не раз заявляли, что конфликт является компетенцией церковных инстанций и должен быть решен на высшем уровне между Российской и Румынской Православными Церквями с участием Молдавской Митрополии. Вопрос о присутствии юрисдикции Румынского Патриарха на территории Молдовы, как отмечал Патриарх Алексей еще в 2001 году в своем обращении к молдавским властям, является в первую очередь церковным и должен решаться в ходе двусторонних консультаций Московского и Румынского Патриархатов на основании Церковных канонов. Как справедливо полагает исследователь Т. Биткова, горячий призыв иерархов Российской Православной Церкви к соблюдению церковных канонов означал не что иное, как требование невмешательства светских властей в церковные дела [Биткова Т.Г. Церковь в Румынии // Религия и Церковь в Центрально-Восточной Европе в начале XXI века. – М., 2006. – С. 67].

Однако решение церковного конфликта, возникшего на фоне политической нестабильности в стране и в полной мере отразившего политическую конъюнктуру своего времени, было, тем не менее, достигнуто посредством светского суда, что, по убеждению иерархов Российской Православной Церкви, является очень большой ошибкой, поскольку, согласно каноническим правилам, на территории епархии может появиться другая только в случае, если Церкви, которым они принадлежат, не признают друг друга. Румынская Православная Церковь могла открыть свое представительство в Кишиневе, как это предлагал Московский Патриархат, что является единственной законной канонической формой присутствия одной Церкви на территории другой Церкви.

Так или иначе, но явная политическая ангажированность части православного духовенства весьма неблагоприятным образом сказалась на внутрицерковной жизни молдавского православия, приведя страну к внутрицерковному расколу. Результатом раскола стало разделение верующих по национальному признаку, что совершенно не соответствует духу Евангелия и традиционному устройству Церкви.

Апелляция к религиозным ценностям и Церкви, как уже отмечалось ранее, является одной из наиболее отличительных черт, характеризующих позиции молдавских политических акторов самых разных “мастей”, включая, как это ни парадоксально, и Партию коммунистов, находящуюся сегодня на вершине власти. Благосклонное отношение и всемерная поддержка, оказываемая Православной Церкви государством, возглавляемым коммунистами, призваны символизировать легитимность действующей власти, демонстрировать тесную связь Партии коммунистов с народом, а также ее преданность и верность принципам демократии.

Однако следует отметить, что лояльное отношение власти к Православной Церкви носит, тем не менее, весьма избирательный характер. Если Митрополии Молдавии в значительном объеме выделяются денежные средства из бюджета страны на восстановление старых и строительство новых храмов, между молдавскими представителями власти и церковными иерархами Российской Православной Церкви, а также Митрополии Молдовы идет взаимный обмен высокими наградами, президент страны демонстрирует свою личную заинтересованность в укреплении позиций православия в Молдове, то по отношению к Митрополии Бессарабии, напротив, царит полное неприятие со стороны государственных структур, граничащее, по существу, с дискриминацией по религиозному признаку. Такое отношение, впрочем, коренится, не столько в религиозных мотивах, сколько в неприятии политических оппонентов, всемерно поддерживающих функционирование Митрополии Бессарабии в Республике Молдова как символа унионистских политических целей. Данная ситуация хорошо демонстрирует те взаимоотношения, которые складываются в нашей стране между главными политическими оппонентами, основной характеристикой которых является конфронтационность, нежелание идти на компромисс ради стабилизации общественной ситуации, неумение находить консенсус. В этой связи, полагаем, что совершенно справедливо современные эксперты в области религии рассматривают соблюдение свободы совести в качестве лучшего индикатора демократичности политической системы.

Современный альянс, возникший между молдавскими властями и мажоритарной Церковью, трактуется как социальное партнерство, общая цель которого - социальное благо. Действительно, наша сегодняшняя жизнь дает немало примеров того, как традиционные церкви различных стран, используя свои специфические механизмы воздействия на общество, способствуют реализации определенной государственной политики.

Вместе с тем необходимо отметить, что подобный альянс таит в себе и немалую опасность для стабильности общественной жизни, особенно в тех случаях, когда некоторые политические партии, рьяно апеллирующие к традиционному вероисповеданию, пытаются, по существу, его "приватизировать". Как свидетельствует не только далекая история, но и современная мировая практика, использование религиозного фактора в политической борьбе может иметь самые удручающие и коварные последствия, подобные нынешнему всплеску терроризма. Втягивание под религиозным предлогом больших масс фанатично настроенных людей в решение возникающих социально-политических конфликтов способно оказывать мощное дестабилизирующее воздействие на всю ткань общественной жизни. Ответственным политикам всегда следует помнить об этом, не эксплуатируя религиозный фактор всякий раз, когда необходимо любой ценой добиться реализации каких бы то ни было политических интересов.

Думается, что и мажоритарным церквям, несмотря на ощутимые преимущества, предоставляемые им со стороны действующих политических властей, следовало бы, тем не менее, максимально дистанцироваться от мира политики, сопряженного с высокой динамикой изменений, с использованием не всегда корректных с моральной точки зрения методов борьбы за власть, с тем, чтобы в столь сложных социально-политических условиях, как нынешние, сохранить свой высокий социальный престиж и доверие людей.

Анотації

У статті Л.Браги і Г.Рогової «Релігія і політика в контексті демократичних перетворень в Республіці Молдова» досліджуються теоретичні аспекти співвідношення релігії і політики й розкриваються особливості вирішення проблеми їх зв'язку в процесі розбудови незалежної Молдови».

In the article of L.Braga and G.Rogova «Religion and policy in the context of democratic transformations in Republic Moldova» theoretical aspects are explored the correlation of religion and policy and the features of decision of problem of their intercommunication are opened up in the process of democratic transformations in independent Moldova.

Н.Куліш * (м. Хмельницький)

СУЧАСНИЙ РОЗВИТОК ДЕРЖАВНО-ЦЕРКОВНИХ ВІДНОСИН ЯК ПРОБЛЕМА

Відносини таких двох значущих суспільних інститутів в Україні, як держава і церква, впродовж усієї національної історії, а особливо в добу незалежного державотворення, засвідчили, що вони завжди були вагомим елементом формування клімату в українському суспільстві, його духовного потенціалу і стабільності. Далеко не завжди ці відносини були априорі конструктивними, проте і у своїх позитивних, і в негативних виявах залишалися суспільно значущими, визначаючи напрями і тональність багатьох політичних, соціальних та духовних процесів вітчизняної історії. 90-ті роки ХХ ст. у житті українського соціуму ознаменувалися кардинальною зміною парадигми буття, що спричинили до переосмислення усього спектру життєвизначальних пріоритетів та орієнтирів – від

* Куліш Н.С. – методист навчального відділу юридичного факультету Хмельницького університету управління та права.